

ПРОЛЕТАЯ НАД РОМАНОМ ВЕКА

А. Левинтов

Феномен нашей жизни – во все времена, а в последние сто лет особенно – вызывает собой мучительный соблазн и любопытство нас самих и окружающих нас: «неужели такое возможно?». И мы и мир вместе с нами живем в этом недоумении и изумлении от невероятного нашего искусства жить несчастливо, невыносимо несчастливо.

И у нас, живущих на этом огромном и угрюмом острове, есть, помимо знания собственно жизни, два зеркала, отражающих это невероятное существование: собственная литература и мировая литература.

Они очень разные.

«Мы» Замятина, повести и роман М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, произведения Шаламова, Гроссмана, Солженицина, А. Зиновьева и других – суровая и беспощадная правда о нас самих, о нашей жизни: «да, это так!».

Западная литература представляет все это более символично, более аллегорично, но и про эти, по большей части фантастические, произведения мы с уверенностью говорим: «да, это так!», узнавая себя и признавая их: «Слепящая мгла» Кестлера, «1984» Оруэлла, «Пролетая над гнездом кукушки» Кизи, «Властины кольца» Толкиена, «Скотный двор» Шекли и другие.

Написанный в 1948-ом, прочитанный в конце 80-х, как теперь воспринимается программный роман этого жанра «1984» – как прошедшая история или бесконечный имперфект настоящего?

Настоящий комментарий – попытка ответа на этот, в сущности, пока янный вопрос: так свершили мы покаяние и очищение или продолжаем гнить и гноиться в мерзости сталинизма?

Исходная предпосылка

Трехзвенная модель общества, принятая на вооружение Дж. Оруэллом, была описана еще Платоном, постоянно воспроизводилась в истории на всем ее протяжении, в но-

вейшее время представлена схемой Самойлова в «тюремном социуме» («вор-мужик-козел») и француза А. Турена («социальный актер-социальный агент-социальная жертва»), однако для меня, интересующегося антропогенезом, именно переход от трехзвенной модели к так называемой «бушменской», четырехзвенной («вождь-жрец-воин-шут») обозначил грань, отделившую стаю приматов от человеческого общества. Человек, уверяю вас, произошел от совести, и носителем совести, этическим лидером был жрец. То, что мы до сих пор встречаемся с трехзвенными социальными моделями, свидетельствует: 1) мы все еще в процессе антропогенеза и 2) чем примитивней общество, тем вероятней в нем трехзвенная модель, что блестяще доказывает Дж. Оруэллом в его «1984».

Цели «средних» всегда двойки – с одной стороны, подняться выше на социальной лестнице, с другой, – не упасть ниже, не оказаться в опасной близости от параша. И только «Униженные и Оскорбленные» знают подлинную цену и ценность справедливости, для них фатально недостижимой, разве что с помощью огнива, феи или благодаря щучьему велению.

На мой, не очень просвещенный, взгляд все дело не в вере в себя или управленческих способностях, а в знании будущего, распределенном явно неравномерно среди людей (это легко устанавливается экспериментально). Тот, кому дано видение будущего, не рискует: риск есть плата за незнание будущего. Тут неизбежен вопрос: почему одним дано это знание, а другим нет? Все мировые религии, а также многие языческие культы запрещают человеку знать будущее и оставляют прерогативу этого знания мертвым.

Те из живых, что ближе всех к миру мертвых (не по возрасту, а именно по сопричастности к нему), и формируют уровень «высших», и правят мертвецы – и книга Дж. Оруэлла об этом. Как странно...

Нынешняя экономико-политическая модель развития России – это исторический тупик. Ни одна страна, ступившая на этот путь, не стала ни более богатой, ни более сильной, ни более развитой.

Не станет таковой на этом пути и Россия. Отставание страны не уменьшится, а возрастет. А цену за этот очередной эксперимент заплатят, как обычно, российские граждане.

Повестка на завтра

Конечно, есть шанс на перемены. Но вряд ли в результате убеждения властей. Убедить корпорацию невозможно. Все аргументы хорошо известны. И сделанный ею выбор – это осознанный выбор. Выбор, базирующийся на знании последствий. Выбор, сделанный в пользу иных приоритетов.

В условиях демократии шанс на перемены связан со сменой власти. Но смена власти неизбежна при любых режимах. Отличие демократии лишь в том, что эта смена происходит регулярно и с минимальными издержками для общества. «Демократия – отвратительная вещь», – говорил Уинстон Черчилль, – но все остальное еще хуже».

Отсутствие демократии не отменяет смену власти. Она все равно происходит. Но в условиях ограниченных свобод она принимает вид «мягких» («бархатных», «цветных») революций – таких, как в Чехословакии в 1989 году или на Украине в 2004-м. Общественные издержки таких перемен гораздо выше, чем при регулярной демократической процедуре.

Контрмеры корпорации против «цветной» революции в России делают ее в краткосрочной перспективе маловероятной. Но и они не отменяют неизбежности смены власти. Она произойдет все равно – раньше или позже. Но когда это случится, революция может быть уже не бархатной. Издержки для страны при других вариантах смены власти будут несопоставимы с издержками ни демократической процедуры, ни «цветной» революции.

Сейчас трудно сказать, когда и как произойдет смена власти. Но когда бы и как бы это ни произошло, надо четко представлять, что придется